Ленинградская область

2018 – 2019 учебный год

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Муниципальный этап

11 класс

Уважаемые участники олимпиады!

Вам предлагаются три письменных задания: тест на знание текстов художественных произведений, истории и теории литературы; аналитическое задание и задание творческого характера.

Выполняя аналитическое и творческое задания, вы должны создать связные тексты ответов, опираясь на предложенные вопросы.

Время выполнения работы – 5 астрономических часов.

Задание № 1. Тест

Время выполнения задания – 40 минут.

1. Кто и кому даёт эти наставления?

   1) «Учитесь властвовать собою… к беде неопытность ведёт».

   2) «…учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, всё пойдёшь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат… не угощай и не потчевай никого… больше всего береги и копи копейку: эта вещь надёжнее всего на свете… Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой».

   3) «Ты не осуждай постарше себя! Они больше тебя знают. У старых людей на всё приметы есть. Старый человек на ветер слово не скажет».

   4) «Надо кому-нибудь и добрым быть… жалеть людей – надо! Христос-то всех жалел и нам так велел… Я те скажу – вовремя человека пожалеть… хорошо бывает».

2. Словарная работа по поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Объясните значения слов или сочетаний слов:

   1) двугривенный;

   2) бурмистр;

   3) амбар;

   4) столбовая дорога.

3. Найдите неверные утверждения. Запишите последовательность цифр, соответствующих порядковым номерам этих утверждений.

1) Толстой никогда не встречался с Достоевским.

2) Нобелевскую премию получили 5 русских писателей: Бунин, Шолохов, Солженицын, Набоков, Бродский.

3) Виды рифмовки бывают такие: смежная, перекрёстная, обвязывающая.

4) Ночью перед дуэлью с Грушницким Печорин читал Вальтера Скотта.

5) Заглавный герой – это центральный, основной герой произведения.

6) У А.А. Фета есть стихотворение, в котором нет ни одного глагола.

4. Соотнесите описание жилища литературного героя с его фамилией. Назовите произведение. В листе ответов № 1 укажите цифру, соответствующую номеру в перечне описания жилищ, и название произведения.

Описания жилищ литературных героев.

1) Половина избы, состоящая из одной горницы, «довольно опрятной, разделённой надвое перегородкой», с «узеньким окошком».

2) Небольшая белая хата с камышовой крышей; двор обведён «оградой из булыжника».

3) Светлица с маленькими окнами, стёкла в окнах круглые, тусклые, «какие встречаются… только в старинных церквах». На полках по углам – «кувшины, бутыли и фляжки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы…».

Фамилии героев: Бульба (Тарас), Гринёв, Печорин.

5. Определите стихотворный размер.

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

(А.К. Толстой)

Задание № 2. Аналитическое задание

Провести целостный анализ текста – прозаического или поэтического (по выбору участника олимпиады).

Рекомендуемое время выполнения задания – 3 часа.

1 вариант

ЗАДАНИЕ. Выполните целостный анализ произведения К.Д. Воробьёва «Первое письмо», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: тематика и проблематика произведения, смысл его названия, композиционные особенности, система образов, изображение взрослых и детей в произведении, их взаимоотношений, пафос произведения, его художественные особенности, роль портрета и пейзажа в понимании идейного содержания произведения, особенности авторского стиля.

Предложенные для анализа направления носят рекомендательный характер; Вы можете выбрать собственный путь анализа.

Помните, что анализ текста – это не повод демонстрировать знание филологической терминологии. Обилие терминов в работе не означает научности. Гораздо важнее сказать о своём понимании ясно и точно, а термины использовать только при необходимости.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Константин Дмитриевич Воробьёв

Первое письмо

Прошлым летом я жил в Лосевке – дачной деревне из полутора десятков домов, притаившихся на опушке знаменитой в нашем краю пущи. Хозяин, у которого я снимал жильё, числился в артели надомным сапожником, зачем-то притворялся хворым и душевным человеком. У него были разноцветные глаза – один голубой, а другой карий. Голубой глядел притворно-ласково, карий злобно. Просыпался хозяин чуть свет, шёл в одном белье в палисадник и просовывал голову в окно моей комнаты.

– Уже маракуете? – сиповатым со сна голосом спрашивал он меня и опасливо трогал клавиатуру пишущей машинки.

– Тружусь, Адам Егорович, – коротко отвечал я, но это не сообщало ему уважения к моему занятию. Он начинал тихонько смеяться и подмигивать темноватым глазом, будто намекал на что-то скверное, что я только что украдкой сделал, а он подглядел. Потом вытирал глаза, хотя оставались они сухими и хитровато-насторожёнными, и в десятый раз допытывался:

– И, говорите, платят за это? Уд-дивительно! На чём только городские не поддедюливают!..

Я сразу припоминал косячки на своих ботинках – Адам Егорович взял с меня за них шесть рублей вместо одного, и мне хотелось сказать ему нечто определённо-твёрдое, но сознание, что Адам Егорович – хозяин, удерживало меня от этого: я, как и он, начинал

почему-то хихикать и подмигивать, словно соглашался с ним в оценке моего тяжёлого и неспокойного труда.

Так нас заставало солнце. Хозяин уходил одеваться, но в палисадник вбегал восьмилетний дачник – мой сосед. Он зарывался в анютины глазки и толстым голосом вопил: «Не хочу-у!» Простоволосая мамаша протягивала к нему сквозь изгородь яйцо и колоратурным сопрано моляще грозила:

– Выпей третье, говорю! Выпей и не вынимай из меня последнее сердце!

На крик являлся Адам Егорович. Он начинал подсчитывать смятые головки цветов, и мне приходилось отправляться в лес...

Верстах в четырёх от Лосевки я знал одно дремучее место. Там постоянно таился сумрак и прядали одряхлевшие вороны. Между седых сосен большие пауки ткали липкие тугие сети. Длинные пегие ящерицы непуганно шныряли по земле, и временами что-то непутёво ухало на дне низины, у протекавшего там ручья. Я приходил сюда с ружьём для бодрости и с корзинкой для боровиков – росли они тут сильные, коричневые, плотные. Чтобы не озираться то и дело по сторонам и слышать хоть что-нибудь живое, приходилось петь. В памяти тогда почему-то всплывали одни боевые мелодии, вроде того, что «нас не трогай, и мы не тронем…». Но даже вдвоём с песней трудно было оставаться в этой глухомани более получаса – хотелось поскорее выйти к солнцу, к птичьим голосам, к жизни.

В этом месте, у подножия исполинского дуба, я нашёл однажды великолепный белый гриб, а рядом с ним сухую ветку с красным лоскутком ветоши. Ни того ни другого я не коснулся и прошел мимо, но чуть поодаль обнаружил еще два гриба под такими же флажками. Тогда мною овладело не совсем приятное чувство – я никогда никого не встречал здесь, и заметки над грибами казались странными. Словом, я не захотел взять эти грибы, потолковав сам с собой так: «Мало ли кому и для чего понадобилось примечать их тут?»

Отойдя метров тридцать от дуба, я сел под лохматую ель завтракать. В лесу стояла гнетущая тишина, пахло тленом, смолой и сыростью, и от всего этого охотно верилось в сказочную Бабу-Ягу и разную иную чертовщину. Дуб и зафлаженные грибы оказались у меня за спиной, и это было почему-то неприятно. Я стал оборачиваться к ним лицом, и в это мгновение в лесу метнулся и повис высокий, почти пронзительный детский голос:

Дор-рогая подруж-женька, Дор-рогая моя подруж-жка!..

Это было так неожиданно и так тесно связывалось с моим лесным настроением, что я выронил хлеб и схватил ружьё. У дуба что-то мелькнуло и пропало и на той же ноте, с той же напряжённой страстностью снова прозвенел голос:

Дор-рогая подруж-женька, Дор-рогая моя подруж-жка!..

Я отставил ружьё – пел обыкновенный мальчик, которого я ещё не видел, но уже знал, зачем он кличет эту свою «подружку»: в голосе бились неприкрытый испуг, удивление, задор и ещё что-то такое, больше похожее на крик о помощи, чем на радость.

И тут я увидел певца – коренастого мальчугана в длинном, не своём, видать, пиджаке, с большой плетёной корзинкой в левой руке и с палкой в правой. Он быстро собрал зафлаженные грибы, сунул красные лоскутки в карман, повёл бледным лицом по сторонам и снова прокричал свою песню – опять эти полкуплета, больше, наверно, не знал.

Он не замечал меня, а я хорошо видел его из своего укрытия. В песне у него участвовали только губы и голос, а глаза не моргали, стерегли пространство, и оттопыренные лопушки ушей ловили малейший шорох и звук.

Я выждал, пока он отошёл подальше, и под его «подружку», чтобы скрыть треск валежника и не испугать человека, отделился от дерева и негромко запел «Колыбельную» Моцарта – в песенке этой много ласковых слов и мирных созвучий.

Расчёт был верный. Услыхав мой голос, юный грибник неторопливо оглянулся, спокойно подтянул штаны и как-то бочком, бочком пошёл ко мне на сближение.

И вот мы идём рядом. Белая голова незнакомца достаёт мне до пояса. Из-под длинноватых штанин у него размеренно выныривают короткие квадратные ступни и уютно тонут во мху и в сосновых иглах. Парень явно обрадовался встрече и моему ружью, но он из молчаливых, из тех, чьи мысли не разгадаешь сразу.

– Давай-ка, брат, познакомимся, – предложил я и назвал своё имя.— Наверное, тебя тоже как-нибудь зовут?

– Василием зовут, Трофимычем, – баском сообщил спутник и тут же заметил маленький боровик, взбугривший упругой шляпкой пятачок песчаной земли у нас под ногами.

– Тебе везёт, Трофимыч! – шутливо сказал я, а он длинно поглядел на меня круглыми серыми глазами, длинно и застенчиво улыбнулся чему-то и нехотя достал из кармана красный лоскутик.

– Замечу. Пускай подрастёт немножко...

Я заглянул в его корзинку и не увидел там мелких грибов. Раскрывалась, пожалуй, загадка с флажками – Трофимыч был, видать, мужик хозяйственный и с мелочью возиться не хотел.

– Так это твои грибы росли вон под тем дубом? – спросил я.

– Мои, – почему-то невесело признался Трофимыч и поинтересовался: – А что ж ты не взял их, раз нашёл? Тут беляков много. Хватит на двоих.

– Да разве, кроме нас, сюда никто не ходит? — притворился я удивлённым.

– Нет, – коротко сказал Трофимыч и через несколько шагов пояснил: – Далёко очень. И буклы боятся.

– Какой буклы? – не понял я.

– Серой. Я её видел. Нырнёт головой в воду и ка-ак букнет! А сама – аж больше меня и на двух лапах… Может, стрельнём, чтоб знали?

– Кто?

– А все, – ответил Трофимыч и кивнул на низину. Я поглядел туда и понял: «попугать» надо всё, чего он тут боялся, – голубой сумрак, тишину, мшистые коряги, красную плесень и таинственную буклу. Откровенно говоря, мне и самому захотелось постращать всё это, и я выстрелил сразу из обоих стволов.

Домой мы возвращались вместе – Трофимыч, оказывается, был жителем Лосевки. Глядя себе под ноги, он сообщил, что отца его прибила в позапрошлом году гроза, мать работает под городом на лесозаводе и что осенью он в первый раз пойдёт в школу.

– А ты... нешто дачник? – вдруг спросил Трофимыч и поднял на меня глаза. В их ожидании скрывалась какая-то откровенно-ревнивая надежда, но я не разгадал её и ответил утвердительно.

– А-а, – отозвался Трофимыч, и мне показалось, что он ускорил шаги.

Чем дальше уходили мы от сумрачной пади, тем отчуждённей становился Трофимыч, – у него пропал ко мне всякий интерес. Я ломал голову над причиной такой резкой перемены и с самоуверенностью взрослого решил, что дело тут в близости деревни: в лесу Трофимыч приласкался ко мне от страха. Это было немного обидно, но всё же я сказал:

– А буклы ты зря боишься. Это выпь, птица такая, из породы цапель.

– Птички по-бычиному не кричат, – резонно ответил Трофимыч и свернул к лосевским огородам.

А вечером я увидел его снова. Он шёл куда-то вдоль улицы, то и дело поглядывал на красный закат и что-то соображал. Над дорогой плавала розовая пыль, взбитая велосипедами дачных ребятишек; в небе копнились прожаренные за день облака, и во дворах оглушительно кричали дачные петухи, привязанные ситцевыми лентами за ноги, – откармливались.

Мой юный сосед, не желавший по утрам пить третье яйцо, вечерами катался на «Орлёнке», что-то пел под Утесова и никому не уступал дороги. Не дал он её и Трофимычу, и, когда тот шагнул вправо, туда же ещё издали повернул и дачник, неистово работая звонком и педалями. Трофимыч кинулся тогда влево, цепко следя за передним колесом велосипеда, – оно вместе с песней стремительно накатывалось прямо на него. Всё остальное уместилось в одну секунду: Трофимыч прирос к дороге, сжался, напружинился, а, когда велосипед оказался от

него в двух пядях, отпрыгнул в сторону и каким-то судорожным толчком рта гневно и коротко крикнул что-то на дачника.

Дальнейшие события вылились в следующее: мой дачный сосед лежал в пыли рядом с велосипедом и не хотел вставать. Из отверстого рта его тёк густой рёв, а из носа – то, что в Лосевке зовут юшкой. Адам Егорович крепко держал за руку Трофимыча, хотя он не пытался бежать и только временами всё поглядывал на закат, – видно, торопился куда-то. Чужая мать шелестела над ним китайским халатом, не без изящества размахивала руками и умоляла меня позвать милицию.

– Скажите, она имеется тут или нет? Он же толкнул ребенка! Слышите? Толкнул...

– Я его не толкал, – без надежды на то, что ему поверят, сказал Трофимыч. – Он сам всё время задавливал меня... И нынче тоже. А я только гавкнул на него. Всего-навсего раз...

– Вы слышали? Он на него гавкнул! Как вам это нравится? Он же мог убить ребёнка до смерти! Идите и позовите сельсовет, если в этой дыре нет милиции…

– Не надо сельсовета, – убеждённо сказал я женщине.

– А что же, по-вашему, надо? – изумилась она.

– Выпороть. Вашего сына...

Больше мне не удалось сказать ей ни одного слова – дама в китайском халате умела говорить такое, чего не умел я. Когда она ушелестела халатом, волоча за собой упиравшегося сына, я предложил Адаму Егоровичу освободить руку Трофимыча.

– А мне думается, – возразил он, – что его лучше поучить пять минут хворостиной сейчас, чем в совершеннолетии пятью годами по указу, а?

– А вы бы поучили дачника, – в тон ему предложил я, – он ведь у вас каждое утро цветы мнёт.

– То дело не по мне, – каким-то скучным голосом отозвался Адам Егорович. – У него папаша на «Победе» ездит, пускай и учит…

Уходя, Трофимыч пытливо взглянул на меня и чему-то улыбнулся длинно и загадочно.

В сумерках наступившей ночи я сидел в палисаднике и вдруг услыхал на дороге чьи-то шаги и голос Трофимыча:

– ... А грибы не жарил. Масло взяло и разлилось. Да ты не горюй! Завтра ж у нас с тобой получка...

Я выглянул из-за плетня. Трофимыч тесно шёл с маленькой худенькой женщиной и в одной руке держал её руку, а в другой небольшую вязанку ослепительно белых в ночи щепок… После в улице долго плавал терпкий запах скипидара и ещё чего-то такого чистого и свежего, чему я не знал названия...

Несколько дней после этого я не встречал Трофимыча, и вдруг однажды утром он явился ко мне сам. Остановившись у дверей, он сперва стащил с головы видавший виды картузик, потом уже сказал:

– А я картошку окучивал. Только вчерась управился... Может, сходим опять туда за беляками? Там теперь страсть наросло их!..

Говорил он раздельно и чётко, напирая на «р», отчего речь его приобретала какой-то особенно вдумчивый смысл.

Я заторопился в сборах, а Трофимыч осторожно присел на диван, незаметно качнулся на пружинах, незаметно изобразил на лице «ишь ты», затем стал разглядывать пишущую машинку.

У меня давно хранились охотничьи сосиски и так подсохли, что издавали костяной звук, когда я завёртывал их в газету.

– Чтой-то? – удивился Трофимыч.

– Сосиски, – сказал я. – Вкусные. Никогда не пробовал?

– Мамка приносила раз, да только они не такие были, те мягкие, – сказал он и сглотнул. Тогда я решил сперва позавтракать, а потом уже идти, но Трофимыч отодвинулся от стола, спрятал руки между колен и заявил:

– Не буду... Это нехорошо.

– Что? – не понял я.

– Есть у чужих.

– Ну, – смешался я, – мы же с тобой не чужие. Мы ведь друзья.

– Всё одно нехорошо, – стоял он на своём, а я подумал: «Ну, подожди до леса. Там я с тобой слажу!»

Перед самым уходом я показал Трофимычу книжный снимок выпи. Он взглянул на картинку и сразу же признал:

– Букла! Вот же гадость, зря только пужала! Ну теперь всё! Теперь там остался один что ни на есть волк. Я его тоже видал, изблизи прямо.

– Напугался, небось?

– А у него у самого из одного глаза слёзы капали. И клочья на боках висели. Болел, должно, чем...

Грибов и в самом деле наросло «страсть». Мы быстро наполнили свои корзинки, постреляли из ружья, потом сели завтракать. И тут мне впервые привелось увидеть, как можно красиво и умно есть! Неторопливо и плавно Трофимыч взял правой рукой хлеб, поднёс его к глазам, бережно оглядел и бережно откусил – немного. С первого и до последнего глотка он не положил рук на колени, он держал хлеб и сосиски на весу, молчал, не спешил, не чавкал.

Он ел, словно тихо беседовал с незримым и большим своим другом, к которому у него много уважения и хорошей любви.

Я сразу же подчинился его манере и тоже держал на весу хлеб и сосиски, молчал и в то же время гадал: откуда и отчего это в Трофимыче? От недостатка в доме еды? Но Трофимыч был крепкий и сильный, и на щеках у него лежали плитки здорового деревенского румянца. Не найдя причины, почему Трофимыч такой, а не этакий, я схватил его за голову и без слов прижал к себе. Он удивлённо притаился, и вдруг на мои руки уронились тёплые и лёгкие слезинки – не осилил человек внезапной чужой ласки...

С каждым днём я всё больше и крепче привязывался к Трофимычу, и дело дошло до того, что без него мне не думалось, не писалось, не жилось. Он, конечно, знал об этом, но держался по-прежнему ровно, значительно и серьёзно. Мне доставляло большую радость то, с каким уважительным чувством наблюдал он процесс моей работы. Он мог часами сидеть и следить за мной издали, а однажды, когда я смял и выбросил под стол исчерканную кипу бумаг, внимательно спросил:

– Трудно?

– Трудно, Трофимыч, – благодарно признался я. Он поощрительно кивнул головой, подъехал ко мне на стуле и сказал:

– Зато знаешь чего? Зато когда пройдёт трудно, то... знаешь, как будет? Во как! – он развёл вширь руками. – Аж смеяться не про что захочешь!.. Вот нам с мамкой бывает всё трудно и трудно, а как получим получку, да как поедем в кино, и как наемся я там мороженого – аж щекотно!.. А потом опять трудно, а там сызнова приходит нетрудное. Так всегда и живём с нею...

Мои встречи с Трофимычем почему-то не нравились Адаму Егоровичу. Несколько дней он подозрительно поглядывал на нас через окно, потом как-то спросил меня:

– Учите, что ли, его чему? Вы не ахти приручайте сироту к чужому дому. А то он разнюхает тут ходы-выходы, а потом...

– Что же он сделает потом? – приподнялся я со стула.

– Сворует. Колодки, например…

Совсем нечаянно и на заре отчётливо я назвал тогда Адама Егоровича не по имени-отчеству, а несколько иначе. Он прижмурил голубой глаз и вдруг прорвался площадной руганью…

... Вечером я уезжал из Лосевки. Трофимыч помогал мне грузить в машину книги, был грустен и задумчив, и я не мог объяснить ему причину своего преждевременного отъезда.

Когда я, хорошо простясь с ним, сел в кабинку, он влез на подножку машины и сплюснул нос о стекло дверцы.

– Я от что придумал,— сказал он угрюмым баском, – я тебе пришлю письмо. Как только выучусь осенью в школе, так и … Ладно?

Дома я сколотил из фанеры ящик, вложил в него ученическую форму, букварь, карандаши и стиралки и дней за десять до начала учебного года отнёс посылку на почту. А первого января посылка пришла назад. Я сорвал с ящика крышку и поверх ученической формы увидел косо налинованный лист из тетрадки первака.

Прямыми, широкими и ясными буквами – чувствовался его характер – Трофимыч писал:

«Посылаю сушёные грибы и мороженую рябину – целый пучок. Когда будешь есть, то выбирай рябинки, что наклёваны, они самые что ни на есть сладкие. Это их синицы недоели в лесу. А костюма не надо, мама говорит, что вся Лосевка станет кто знает что думать об нас да об тебе, а мы не хочем. Ты лучше знаешь чего? Ты приезжай сюда опятошным летом и живи у нас за так, а мы себе загородку сделаем дома, доски уже есть. Приедешь?»

Я долго и трудно искал редкие слова, чтобы достойно ответить Трофимычу на его первое в жизни письмо.

1958

2 вариант

ЗАДАНИЕ. Выполните целостный анализ стихотворения Р.И. Рождественского «Часы», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: тема и идейное содержание стихотворения, смысл названия, особенности формы стихотворения, роль лексических средств выразительности, синтаксическое и метрическое своеобразие стихотворения, особенности авторского стиля.

Предложенные для анализа направления носят рекомендательный характер; Вы можете выбрать собственный путь анализа.

Помните, что анализ текста – это не повод демонстрировать знание филологической терминологии. Обилие терминов в работе ещё не означает научности. Гораздо важнее сказать о своём понимании ясно и точно, а термины использовать только при необходимости.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Роберт Иванович Рождественский

– Идут часы…

– Подумаешь, –

открытье!
Исправны, значит…
Приобрёл –
носи…

– Я не о том!
На улицу смотрите:
по утренней земле
идут часы!
Неслышные торопятся минуты,
идут часы,
стучат ко мне в окно.
Идут часы,
И с ними разминуться,
не встретить их
живущим не дано…
Часы недлинной жизни человека,
увидите, –
я вас перехитрю!
Я в дом вбегу.
Я дверь закрою крепко.
Теперь стучите, –
я не отворю!..

Зароешься,
закроешься,
не впустишь,
свои часы дарёные испортишь,
забудешь время
и друзей забудешь,
и замолчишь,
и ни о чём не вспомнишь.
Гордясь уютной тишиной квартиры
И собственною хитростью
лучась,

скорее
двери забаррикадируй!..

Но час
придёт!
Неотвратимый час.
Наступит он в любое время года
на мысли,
на ленивые мечты. Наступит час
на сердце и на горло…
И, в страхе за себя,
очнёшься ты!..
И разобьёт окошко
мокрый ветер.
И хлынут листья
в капельках росы…

Услышишь:
бьют часы!
И вслед за этим
почувствуешь:
наотмашь
бьют
часы!

1960

Задание № 3. Творческое задание

Рекомендуемое время выполнения задания – 1 час 20 минут.

Предложите свой проект литературно-художественного и познавательного журнала для молодёжи. Для этого выполните следующие задания:

1) придумайте оригинальное название журнала и обоснуйте его;

2) придумайте 4 разные тематические рубрики, в которых будут представлены материалы журнала, и коротко охарактеризуйте их содержание;

3) назовите двух авторов и их произведения, которые будут размещены в одной из литературных рубрик вашего журнала; кратко поясните, почему вы выбрали именно эти тексты;

4) напишите статью в редакторскую колонку первого номера журнала: расскажите о своём проекте – новом литературном журнале для молодёжи. Объём статьи – 140-160 слов.

Шифр_____

11 класс

Лист ответов № 1

Задание № 1. Тест

Тестовая работа сдаётся через 40 минут после начала олимпиады.

Задание 1.

_____
_____
_____
_____

Задание 2.

_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____
_____

Задание 3.

_____
_____

Задание 4.

Бульба (Тарас) – _____
Гринёв – _____
Печорин – _____

Задание 5.

_____
_____

Шифр_____

Лист ответов № 2

Задание № 2. Аналитическое задание

Шифр_____

Лист ответов № 3

Шифр_____

Лист ответов № 4

Задание № 3. Творческое задание

Шифр_____

Лист ответов № 5